

Посвящается моему сыну Павлу

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К сожалению, о том, как возникали, умирали и возрождались спортивные и боевые единоборства в России и в Санкт-Петербурге, сегодня знают очень немногие. До сих пор не существует антологии боевых искусств, которые, на мой взгляд, следует рассматривать в комплексе, а не как отдельные виды спортивных единоборств. Говоря о школах боевых искусств, можно говорить об отдельных направлениях единоборств, но все они взаимосвязаны, взаимно «подпитывают» друг друга и составляют единую систему.

«Один на один» – главный и основной принцип спортивного варианта боевых искусств. Он определяет технику и тактику ведения боя. Боя как спортивного, так и реального, когда главной задачей является безусловное поражение противника, пресечение любой возможности сопротивления. В более широком смысле боевые искусства подразумевают ведение боя против как одного, так и нескольких соперников, безоружных и вооруженных. Это уже – боевое искусство.

Книга, которую вы держите в руках, не является рекламным изданием, это мой личный, весьма скромный вклад в воссоздание того, что входит в понятие «История боевых искусств в России».

Подростком я начинал заниматься самбо, стал мастером спорта СССР, выступал в соревнованиях по самбо и дзюдо, оказался в центре событий вокруг и внутри каратэ – от его «легализации» до запрещения. Тренировал легально (и не совсем), и мои ученики занимали призовые места на всех городских и всесоюзных соревнованиях, которые тогда проводились, а потом – и на международных.

Моя жизнь прошла в спорте, в единоборствах, которые я считаю наиболее перспективными для нашего общества. «Спортом № 1» часто называют футбол. Я не против футбола, хоккея, волейбола и других игровых видов спорта. Да, они зрелищны, интересны для широкой публики, но если сравнить число подростков, занимающихся спортом в клубах и секциях, то, по оценке независимых экспертных агентств, проводивших опросы в школах и вузах, до 70–90 % подростков, общившихся к спорту, занимается единоборствами. Получается, что футбол, хоккей и пр. – достояние массовой культуры, зрителей, «ту-

совки», но не тех, кто по-настоящему занимается спортом. Да, за футбольными, хоккейными и другими турнирами азартно наблюдают многие миллионы зрителей, но лишь очень малая часть из них сами регулярно выходят на футбольные поля или игровые площадки.

Единоборства имеют свою специфику. Пусть это не спорт «высших достижений», не всегда профессиональный спорт, но на ковре или татами и в любительском, и профессиональном спорте боец встречается с соперником один на один. Команда может за тебя «болеть», но биться за победу ты должен сам. Кстати, для меня всегда личные соревнования были легче, чем командные. В личных – еще можно было сдать схватку, если уж совсем плохо, а в командных, когда вокруг ковра или татами твои товарищи и тренеры, – умри, но выиграть обязан.

О популярности и приоритетах разных видов спорта уже высказано много самых противоречивых мнений. И все же я убежден, что только единоборства наиболее эффективно воспитывают характер, формируют личность, умение добиваться поставленной цели. Любой из видов единоборств учит по полной программе самому отвечать за себя и свою подготовку. Тренер может помочь советом, но на ковер, татами или ринг ты выходишь один против соперника. Здесь перестают действовать любые установки, кроме стремления выиграть любой ценой.

Популярности боевых искусств способствует и то, что для занятия ими нужен минимум затрат, они не требуют специальных площадок, бассейнов, полей с подогревом или дорогостоящих установок для заливки льда. Единоборства широко доступны, и проблема здесь лишь в профессиональных тренерских кадрах, которые могут научить подростка тонкостям мастерства, не навредив при этом его физическому и психологическому здоровью.

Я не сторонник профессионального спорта. Это – жесткое, часто жестокое занятие. Профессиональный спорт, на мой взгляд, – удел очень узкого круга лиц, имеющих универсальную подготовку, морально и физически готовых не только к запредельным нагрузкам, но и к травмам, даже увечьям. Профессиональный спорт нужен как средство рекламы, пропаганды не столько здорового образа жизни, сколько демонстрации физических возможностей человека. Это – экстрим. Обычному человеку нужно нормальное физическое развитие и базовые навыки самообороны. Часто полезнее оказываются даже не навыки вести поединок, а умение избегать опасных ситуаций, знание того, как не попасть в группу риска.

Когда подростком я начинал заниматься самбо, а потом выступал в соревнованиях уже «по взрослым», об этом не думал. Была только

жажда победы. Конечно, хотелось стать чемпионом страны, но мне не довелось выиграть чемпионат СССР, Европы и мира – были борцы сильнее меня. Я хотел стать мастером спорта СССР и этой цели добился.

Не секрет, что лишь небольшой процент подростков обладает тем, что мы называем спортивным характером, но для достижения по-настоящему значительных результатов в спорте, как и в любом другом виде человеческой деятельности, нужны еще и врожденные способности, талант на генетическом уровне.

В эпоху становления каратэ я выигрывал чемпионаты города, становился призером международных и всесоюзных соревнований, но былого азарта уже не было. Хотя, конечно, каратэ заняло значительную часть моей спортивной биографии. Вероятно, я уже слишком много знал о спорте и соревнованиях...

Тем не менее, именно каратэ позволило мне по-новому оценить мир боевых искусств, осознать их значение в жизни современного общества, дало толчок к пониманию роли и места спорта в формировании личности.

Я родился в Ленинграде на Петроградской стороне 3 июня 1949 года в семье морского офицера. Был пятым, самым младшим, сыном в семье.

Отец, Момот Александр Карпович, родился в 1905 году на Полтавщине. Работал на железной дороге, вступил в комсомол, учился мельничному делу, в 1924 году по ленинскому призыву вступил в партию и в 1927-м был направлен в Высшее военноморское училище имени Фрунзе, был старшиной класса, закончил училище в 1931 году. Из того выпуска многие стали известными военачальниками. Вместе с отцом, в частности, учились Сергей Георгиевич Горшков, Владимир Афанасьевич Касатонов и другие будущие адмиралы.

Мама моя, Анна Демидовна, из Сибири, родилась в 1910 году и росла в Кемерове. Была одиннадцатым ребенком в семье. Ее братья,

Момот Александр Карпович

На борту корабля, 1942 год.

за исключением одного, были активными революционерами, участвовали в становлении Советской власти в своем городе, два старших брата некоторое время провели в знаменитом Александровском центре. Еще один брат, Федор Демидович, во время Первой мировой войны попал в немецкий плен, провел в Германии шесть лет. После революции вернулся на родину, вложил накопленные деньги в создаваемую коммуну, которая вскоре разорилась. Он решил из нее выйти, положил на стол партбилет и был бы, вероятно, расстрелян, если бы не успел «эмигрировать» на Урал. Умер за три месяца до своего 100-летия. Меня, кстати единственного из всей большой семьи по маминной линии, называли в честь деда, что определило особое отношение со стороны маминных родственников. Мама приехала в Ленинград вслед за своей старшей сестрой Анфисой Демидовной, которая вышла замуж за 1-го секретаря Петроградского райкома комсомола.

Родители познакомились в парке им. В. И. Ленина на американских горках.

Воевать отец начал в 1939 году с финской компании командиром тральщика. По итогам той зимней войны был награжден орденом

Красного знамени. К началу Великой Отечественной войны был командиром 17-го дивизиона тральщиков. В августе 1941-го, идя во главе конвоя, его тральщик подорвался на mine, и отец чудом остался жив. Его спасло то, что он находился на мостике, взрывом был выброшен в море и не утонул благодаря американскому пробковому спасательному жилету. Больше десяти часов провел в воде, пока его не подобрала спасатели, а очнулся уже после того, как перенес в госпитале трепанацию черепа. У него были множественные переломы ребер, рук и ног. Фактически он получил инвалидность, однако после лечения вернулся в строй и всю войну провел на Балтике.

На борту корабля, 1945 год.

В книге «Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне» (1981) есть упоминание о 17 дивизионе тральщиков:

«На протяжении всех блокадных лет в Невской губе существовала серьезная минная опасность. Фашисты предпринимали минирование фарватеров с катеров, самолетов и со льда. Поэтому в этом районе непрерывно велось боевое траление магнитных и якорных мин...

...Боевое траление производилось практически ежедневно в темное время суток кораблями 6, 8 и 17-го дивизионов. Этой нелегкой опасной работой умело руководили командиры дивизионов и отрядов тральщиков В. А. Сорокин, И. С. Козлов, А. К. Момот, А. Н. Москаленко, А. Н. Башкиров и др.

Семейная фотография, 1954 год

В течение 1941–1944 годов, кроме участия в тралении якорных мин, корабли 17-го дивизиона в основном своими силами выполняли большую работу, связанную с перевозкой личного состава воинских частей и соединений, боевой техники, боезапасов и других грузов из Ленинграда в Кронштадт и Ораниенбаум. Войска и грузы перебрасывались на баржах типа „НБР“ и других, которые буксировали наши тральщики. Одновременно перевозимый личный состав и грузы принимались и на борт кораблей. Из Ораниенбаума в Ленинград доставляли раненых, а также войска, отправлявшиеся на переформирование.

За время с 1941 по 1944 годы тральщики 17-го дивизиона при выполнении военных перевозок совершили более 2000 боевых выходов и перевезли несколько дивизий, тысячи танков, орудий, минометов и машин, около 200 тыс. т различных грузов. Эта работа внесла существенный вклад в успех боевых действий ораниенбаумской группировки и всего Ленинградского фронта. Главную роль в выполнении перевозок из Ленинграда в Кронштадт и Ораниенбаум сыграли корабли 17-го дивизиона, а в обеспечении их безопасности – катера 7-го, 8-го дивизионов сторожевых катеров, 8-го дивизиона катерных тральщиков ОВРа ЛВМБ. При этом особенно отличились: А. К. Момот, В. В. Чудов, А. В. Дуваленский, И. А. Протусевич и многие другие...».

Моя мама с четырьмя сыновьями, Евгением, Валентином, Владимиром и Александром, младшему из которых еще не исполнилось года, на одном из последних эшелонов эвакуировалась в Сибирь к своим родственникам, а при первой возможности вернулась с детьми в Ленинград. После снятия блокады отец был на приеме у председателя Ленгорисполкома Петра Сергеевича Попкова и получил для семьи ордер на квартиру в доме на углу Зверинской улицы и проспекта им. М. Горького (сейчас Кронверкский проспект).

Отец ушел в отставку, прослужив на Балтике 33 года, в звании капитана первого ранга. Вероятно, его карьера могла бы быть более успешной, но у него был слишком прямолинейный характер. Он был очень требователен к себе и подчиненным и не обладал гибкостью, необходимой для карьерного роста. Многие из его однокашников вскоре после выпуска из училища были направлены на создаваемый в то время Северный флот, где было много перспективных вакансий.

С отцом на даче в поселке Солнечное, 1979 год

Балтийский же флот был давно укомплектован, и перспектив здесь было значительно меньше. Более того, учитывая прямолинейность отца и его склонность к откровенным высказываниям, думаю, что от репрессий его спасло разве что пролетарское происхождение. В отставку он ушел с должности заместителя начальника Высшего Морского училища имени С. О. Макарова.

Оглядываясь назад, я понимаю сколь большое влияние оказала на меня обстановка в семье и особенно мой брат Владимир, он был старше меня на десять лет. К 1962 году он уже был мастером спорта по самбо, неоднократным чемпионом и призером чемпионатов Ленинграда, участником многих всесоюзных и международных турниров, хорошо играл в футбол, волейбол, был для многих в микрорайоне неформальным лидером. В какой-то степени для меня он, в силу возраста, был диктатором. Я боролся за независимость, но эти поползновения часто довольно жестко пресекались. Тем не менее, я уважал и любил его, во многом он был для меня примером. Я часто сопровождал его на взвешивания перед соревнованиями, болел за него во время схваток.

Помню, что часто он встречался с Валерием Наталенко, выступавшим в той же весовой категории. К моему огорчению, всегда выигрывал Наталенко, человек незаурядный во многих отношениях. Он буквально ворвался в элиту ленинградской спортивной борьбы. Участвуя в чемпионате города в ранге перворазрядника, он выиграл у нескольких мастеров спорта, призеров чемпионата страны и стал чемпионом города, а затем и СССР. Валера Наталенко великолепно боролся в стойке, очень технично проводил подхваты, передние подсечки. Володя же предпочитал борьбу лежа и, встречаясь с Наталенко, старался переводить схватку в партер, что, правда, ему редко удавалось. Валера Наталенко выигрывал, а мне было до слез обидно за старшего брата.

Брат привел меня и еще пять-шесть моих дворовых приятелей в секцию самбо ДСО «Труд» на улице Декабристов, 21. Это был период, когда еще ходили драться двор на двор, улица на улицу.

Моим первым тренером был Иван Леонидович Смирнов, а старшим тренером по самбо в «Труде» в то время был Александр Самойлович Массарский.

Александр Самойлович – человек во многих отношениях уникальный, с удивительно разносторонним и неумным характером. Эта личность, на мой взгляд, достойна отдельного повествования. Тогда ему удалось сформировать очень интересный коллектив, в котором были и такие известные борцы, как победитель первенства страны 1959 года в легком весе (до 68 кг) Юрий Чистов, члены сборных страны и города в разных возрастных категориях. Надо сказать, что в то время в большинстве из весовых категорий на городских соревнованиях по самбо участвовали два-три, а то и четыре чемпиона и призера всесоюзных соревнований. Иными словами, конкуренция была постоянно очень серьезной. Сборная Ленинграда безоговорочно доминировала тогда на всесоюзном ковре, а на чемпионатах города «мастерскими» были первые шесть мест.

1970 год. Клуб «Турбостроитель»

Впервые сам я участвовал в соревнованиях в 1964 году. На первенстве «Труда» я занял призовое место среди младших юношей. В том же году я выиграл первенство Ленинграда в той же возрастной категории. Потом в течение пяти лет подряд я выигрывал первенство города в разных возрастных группах. Конечно, впечатления о тех соревнованиях со временем стерлись из памяти. Помню только, что у меня в группе, с которой начинал заниматься, были два близких моих приятеля: Наум Кох и Слава Чумаков. На тренировках я им все время проигрывал, а на соревнованиях обоим побеждал. Из тех шестерых ребят, с которыми мы начинали заниматься самбо, через три года в спорте остались всего трое, а еще через пару лет я один. Хотя в том наборе были и очень талантливые ребята. В нашем же дворе жил Борис Буйнов, очень сильный физически парень, он буквально через год после начала тренировок выиграл первенство города, успешно выступал на первенствах ЦС «Труд» в своей возрастной группе.

У нас в семье мои занятия спортом не то чтобы не приветствовались, но воспринимались как само собой разумеющееся. Правда, мама иногда высказывалась в том смысле, что одного мастера спорта для семьи достаточно. Отец сам никаким видом спорта специально не занимался, но был очень активным человеком и с понятием «физи-

На съемках фильма «Красные колокола», 1981 год

ческая культура» был знаком не понаслышке. Он был хорошим пловцом, регулярно занимался моржеванием, даже в преклонном возрасте начинал день с интенсивных физических упражнений на протяжении 30-40 минут. Уже когда отцу было за семьдесят, он каждое утро делал до 150 приседаний. Из-за старых ранений его мучили сильнейшие головные боли, а лекарства, которые прописывали ему врачи, не помогали, он сам нашел для себя лекарство – в больших физических нагрузках. Мое мнение о разумном дозировании физических нагрузок (я уже учился в Институте физкультуры) не казалось отцу убедительным. Он всегда делал то, что считал нужным. Я, кажется, унаследовал эту черту его характера.

Большую часть дня после школы мы проводили на улице. Двор был заставлен поленницами дров, мы играли в казаков-разбойников, «сражались» в подвалах и чердаках. Не обходилось, конечно, без шалостей и драк, но до чего-то серьезного дело никогда не доходило, не было той агрессии, которая часто проявляется у подростков сейчас.

Благодаря Александру Самойловичу Массарскому, многим из нас довелось участвовать в съемках фильмов. Я снимался в пяти-шести. Запомнилась «Республика ШКИД». Многие, наверное, помнят кадры драки коммунаров ШКИДа с пионерами. Там есть эпизод, когда Князь, которого играл сын Георгия Александровича Товстоногова Сандро (впоследствии известный театральным режиссер, заслужен-

ный деятель искусств Грузии), проводит несколько бросков. Я показывал ему эти приемы, «ставил» сцену.

МАССАРСКИЙ Александр Самойлович

Родился 5 мая 1928 года в белорусском Городке под Витебском в семье художника-оформителя и библиотекаря. Закончил Ленинградский плановый институт и Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

Занимался самбо и работал тренером. Защитил кандидатскую диссертацию по физиологии специальных тепловых воздействий на организм спортсменов в портативных термокамерах собственной конструкции. «Баню в чемодане», или «камеру Массарского», выпускали три отечественных завода.

Одновременно занимался подводным спортом и конструировал аппаратуру для подводных фото-, кино- и видеосъемок. Ряд разработок выпускался промышленностью. Сначала это были боксы для съемочных камер, а затем – ряд герметичных аппаратов (без боксов). На Ленинградском оптико-механическом объединении (ЛОМО) были изготовлены опытные образцы.

Работая ведущим научным сотрудником кафедры автоматического управления полетами ракет и летательных аппаратов Балтийского технического университета («Военмех»), разработал «баню» для космических станций и спектральный телескоп для изучения атмосферы земли из космоса.

С 1949 года участвовал более чем в 260 фильмах в качестве режиссера трюковых сцен, каскадера, кинооператора подводных и других трюковых сцен. Организовал на «Ленфильме» первый в стране отряд каскадеров. Постановщик трюков многих культовых картин («Найти и обезвредить», «Мертвый сезон», «Стрелы Робин Гуда», «Белое солнце пустыни», «Звезда пленительного счастья», «Один за всех», «Интервенция», «Два билета на дневной сеанс», «34-й скорый» и др.).

А. С. Массарский первым в стране в 1963 году создал группу самбистов «Олимпийская надежда», в которой начали заниматься мальчики в возрасте восьми-девяти лет. Многие из них стали выдающимися спортсменами, но большей своей заслугой А. С. Массарский считает, что они не только достигли спортивных высот, но и нашли свое место в жизни. Среди них доктора наук, врачи, юристы, инженеры, педагоги.

Врачи-стоматологи широко используют зубные винтовые имплантаты и инструментальной системы Массарского «Контраст имплант».

Александр Самойлович Массарский – заслуженный тренер России по борьбе самбо и дзюдо, Заслуженный работник культуры России, кандидат педагогических наук, доцент, член Союза кинематографистов России, академик Международной академии информатизации, изобретатель СССР.

В малом зале на Декабристов, 21 три дня в неделю занятия по самбо вел Иван Леонидович Смирнов, еще три дня на ковре работал Анатолий Семенович Рахлин.

1958 год, Владимир Момот (крайний слева) и Анатолий Рахлин (крайний справа)

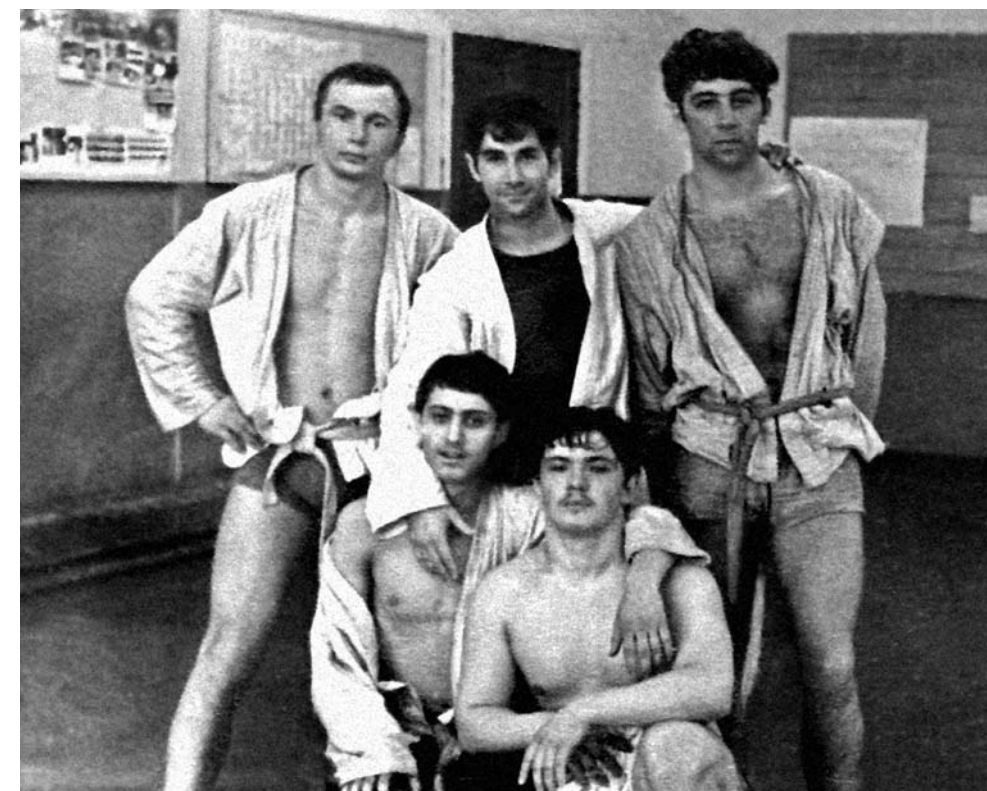
В «Труде» тогда сложилась большая спортивная компания, в которую входили, кроме самбистов, «вольники», «классики», боксеры. Часто они встречались у нас дома или на улице напротив, а потом шли на пляж Петропавловской крепости. В компании брата были сын нашего знаменитого боксера Ивана Александровича Князева Александр, призер первенства СССР по вольной борьбе Женя Морозов и многие другие.

В 1966 году я был в составе юношеской сборной города, где познакомился и сдружился с Владимиром Кюллененом, ставшим впоследствии чемпионом Европы и мира. Помню, на сборах в Кавголово после утренней зарядки у нас была пробежка вокруг озера, купание в озере и бег в гору в гостиницу. Я к концу подъема еле переставлял ноги, а Володя бежал, будто и не было многокилометрового кросса.

КНЯЗЕВ Иван Александрович

Родился 22 февраля 1913 года. «Водник», Ленинград. Заслуженный мастер спорта, судья всесоюзной категории, пятикратный чемпион СССР в полулегком весе с 1945 по 1949 годы, одиннадцатикратный чемпион Ленинграда. Тренеры Э. Лусталло, А. Уверский. Провел 128 боев, 103 победы. В восьми международных встречах одержал 6 побед. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды. Умер в феврале 1997.

Учился я сначала в восьмилетней школе поблизости от дома, потом перешел в школу № 76 со специализацией по химии, которую курировал ГИПХ. Правда, проучился в ней недолго – из 9 класса меня исключили за драку, и потом я оканчивал вечернюю школу рабочей молодежи. Чтобы компенсировать ущерб пострадавшему, я пошел работать «погонщиком» пони – катал детишек в зоопарке и за три месяца заработал необходимые 150 рублей. Первая запись в трудовой книжке у меня появилась, когда я некоторое время проработал механиком в НИИ физической культуры. Потом окончил полугодовые курсы и получил профессиональное водительское удостоверение. Тогда были такие курсы с отрывом от производства, где даже платили стипендию. Когда пришло время получать права, мне не хватало нескольких дней до восемнадцатилетия, но как-то эта проблема разрешилась, хотя из-за сдачи экзаменов в ГАИ я пропустил очередное первенство города и не смог выполнить норматив мастера спорта. В первый день я выиграл несколько схваток, а на следующий день после экзамена на соревнования уже не успел.

1972 год, Клуб «Турбостроитель». Д. Момот, М. Челов, Н. Кох, Б. Ротенберг, В. Соколов

Звание мастера спорта я получил в 1970 году, заняв первое место на Кубке Прибалтики, который проходил в Минске. Там участвовали спортсмены из прибалтийских республик, Белоруссии и Ленинграда. За Ленинград тогда выступала сборная города и несколько человек в личном зачете, в том числе я. Обычный вес у меня был около 72 кг, я выступал иногда в категории до 70, а иногда – до 75 кг. Сейчас не помню почему, но в Минске меня заявили в категорию до 75. Тогда мне немного повезло – получил травму и снялся Ю. Курицын из Каунаса, он позже, в 1973 и 1974 годах, становился чемпионом СССР. В моей весовой категории до 75 кг выступал на том турнире и Виктор Чингин, который сгонял перед соревнованиями больше 5 кг, он выиграл чемпионат мира в категории до 90 кг в 1984 году. В свое время брат мучил меня борьбой в партере, и благодаря этому в борьбе лежа я чувствовал себя довольно уверенно. Все шесть минут поединка с Виктором я старался перевести борьбу в партер, и в результате счет оказался равным. Ну, а когда встали на весы для определения победителя, шансов у Виктора не было. После этого тренер Чингина и сборной города Александр Николаевич Чернигин благополучно довел меня до финала, и, выиграв у парня из Минска, я стал мастером спорта, чему был безмерно рад, получив заветный значок за № 81304.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что успехи многих из нас могли быть и лучше, если бы нам уделялось больше внимания со стороны тренеров. На практике получалось слишком много самостоятельной работы. И хотя я относился к тренировкам очень серьезно, постоянно вел записи, оценки со стороны часто не хватало. Теперь, как тренер, я понимаю, что на каком-то этапе надо было значительно больше внимания уделить физической подготовке. Особенно при переходе от юношеской борьбы к взрослой. Что же касается записей, то их я рекомендовал бы вести всем, кто хочет добиться сколько-нибудь заметного результата. Они не только помогают вспомнить какие-то нюансы тренировок по прошествии времени, но и дают возможность более взвешенно, вдумчиво относиться к повседневному тренировочному процессу.

Яркие впечатления остались от того дня, когда в 1964 году после Олимпийских игр в Токио к нам в зал пришел Арон Гершевич Боголюбов. Для нас, мальчишек, это стало настоящим событием. Мой брат был хорошо знаком с Ароном Гершевичем и, воспользовавшись этим, подвел меня к нему за руку и попросил проверить. Я был уже чемпионом города в своей возрастной группе и честно старался хоть что-то противопоставить чемпиону Европы и призеру Олимпийских

игр. Потоптался некоторое время, и тут Арон Гершевич провел столь молниеносный бросок, что я даже не понял, что произошло. Уже потом мне приятели рассказали, что Арон Гершевич выполнил один из своих коронных приемов – переднюю подножку с колена. Это впечатление осталось на всю жизнь.

Как потом и от встречи с Сергеем Суслиным. Я познакомился с ним в СКА, где тогда тренировались очень сильные борцы. Кроме Суслина, там были еще Владимир Покатаев, Владимир Кюлленен и другие. Вообще, надо сказать, что в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия в Ленинграде было много и очень сильных борцов, и хороших тренеров.

В клубе «Турбостроитель» я познакомился с будущим президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Никогда не говорил и не скажу, что мы были близкими друзьями. Я работал вторым тренером с младшими ребятами, однако обстановка в клубе была очень доброжелательной, мы вместе тренировались и многому вместе учились. Владимир Путин был из младшего поколения, они со сверстниками – А. Ротенбергом, В. Шестаковым, Н. Кононовым – составляли другую «команду», где я был уже больше тренером, чем борцом. У нас были товарищеские, дружеские, очень теплые отношения. Я уже выступал среди взрослых, а Владимир Путин, Василий Шестаков, Аркадий и Борис Ротенберги боролись по юношам и молодежи. Они вместе ездили на все сборы и, конечно, хорошо знали друг друга, у них было много общего.

Кстати, в 1972-м я предлагал Владимиру Путину оформиться тренером по дзюдо в Первый медицинский институт, но он, тогда уже студент юридического факультета ЛГУ, подумав пару недель, отказался, сославшись на большую учебную нагрузку. Он очень серьезно относился к учебе, как, впрочем, и к тренировкам, был очень пунктуален и ответственен. Норматив мастера спорта по дзюдо Владимир

1975 год. Спортивный центр «Петроградец». Финал чемпионата Ленинграда по дзюдо. Харченко – Путин. Чемпионом Ленинграда стал Владимир Путин

Путин выполнил в 1975 году на соревнованиях в нашем спортивном комплексе «Петроградец», уже будучи мастером спорта СССР по самбо.

Когда из ДСО «Труд» выделился «Зенит», старшим тренером там стал А. С. Массарский, а в «Труде» старшим тренером был Леонид Ионович Усвяцов. Он был ученик Ивана Васильевича Васильева, на какой-то период уходил из спорта, а вернувшись, возглавил команду «Труда».

Конечно, сейчас уже не вспомнить всех тех, кто окружал меня в детские и юношеские годы, с кем я общался в более зрелом возрасте, но ведь любое знакомство откладывает свой отпечаток на формирование характера человека, определяет его взаимоотношение с окружающими.

В 1970-м я поступил на первый курс Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта, и Усвяцов рекомендовал меня в качестве тренера в СК «Турбостроитель», который располагался в здании на Свердловской набережной. До моего прихода единственным тренером там был Анатолий Семенович Рахлин. Моя педагогическая нагрузка составляла тогда 50 часов, я тренировался и выступал сам, а зарплату получал как маляр на заводе (была такая «специфика» оформления спортсменов в советское время).

Тогда мы выступали одновременно и по самбо, и по дзюдо. Я продолжал выступать до 1973 года, став призером чемпионата Ленинграда по дзюдо.

Закончив активные выступления на ковре, я с 1973 года работал тренером-почасовиком, а потом был принят в штат кафедры физвоспитания Первого медицинского института. Наша команда выступала по самбо и дзюдо, показывала хорошие результаты. Появились мастера спорта. Среди моих учеников был Виталий Чен, победитель многих студенческих соревнований, призер чемпионатов Ленинграда.

Помню, был очень талантливый парень Александр Давыденко, выступавший в категории до 93 кг. Он стал чемпионом города, выполнил норматив мастера спорта и подавал большие надежды. К сожалению, специфика медицинского вуза такова, что учебная нагрузка не позволяет достаточно времени уделять еще чему-либо. Тот же Давыденко, проведи он два-три учебно-тренировочных сбора со сборной страны, смог бы, вероятно, успешно выступать на самом высоком уровне. Он приехал из Грозного, у него уже был первый разряд, но главное, что он обладал борцовским характером, ему нравилось тренироваться. Однако наступил момент, когда он ока-

2003 год, 75 лет тренеру Александру Самойловичу Массарскому

зался перед выбором, выступить на соревнованиях или продолжать обучение. Мы тогда с ним поговорили, и я задал вопрос, для чего он, собственно, приехал в Ленинград: бороться или стать врачом? Он, разумно, на мой взгляд, выбрал последнее.

Думаю, что моим призванием была не столько тренерская, сколько педагогическая деятельность. С точки зрения тренера, добивающегося от своих подопечных максимального результата, я, вероятно, поступал не всегда правильно, но, может быть, именно благодаря этому, у меня со всеми учениками сохраняются добрые, доверительные отношения.

Уверен, чтобы спортсмен достиг выдающихся результатов, он должен иметь врожденные данные. Высоты достигаются благодаря огромному упорству и работоспособности, но без особого таланта рекордсменом не стать. Да и сам по себе большой спорт, снова повторю, – удел считанных единиц. Заниматься физической культурой, развивать выносливость, приобретать навыки самообороны и т. д. полезно и необходимо, но не надо рваться в большой спорт всеми правдами и неправдами. Необходимо определиться со своим призванием: хочешь ли ты стать врачом, математиком, инженером или педагогом и добиваться этой цели. Кстати, тот же Александр

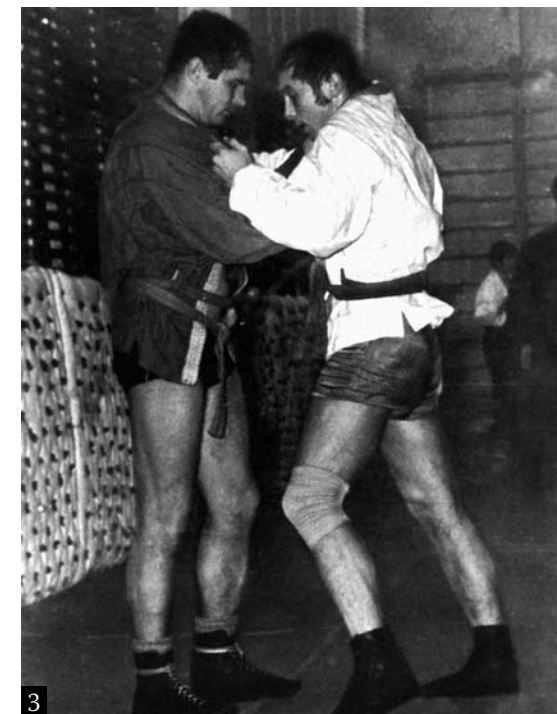

1

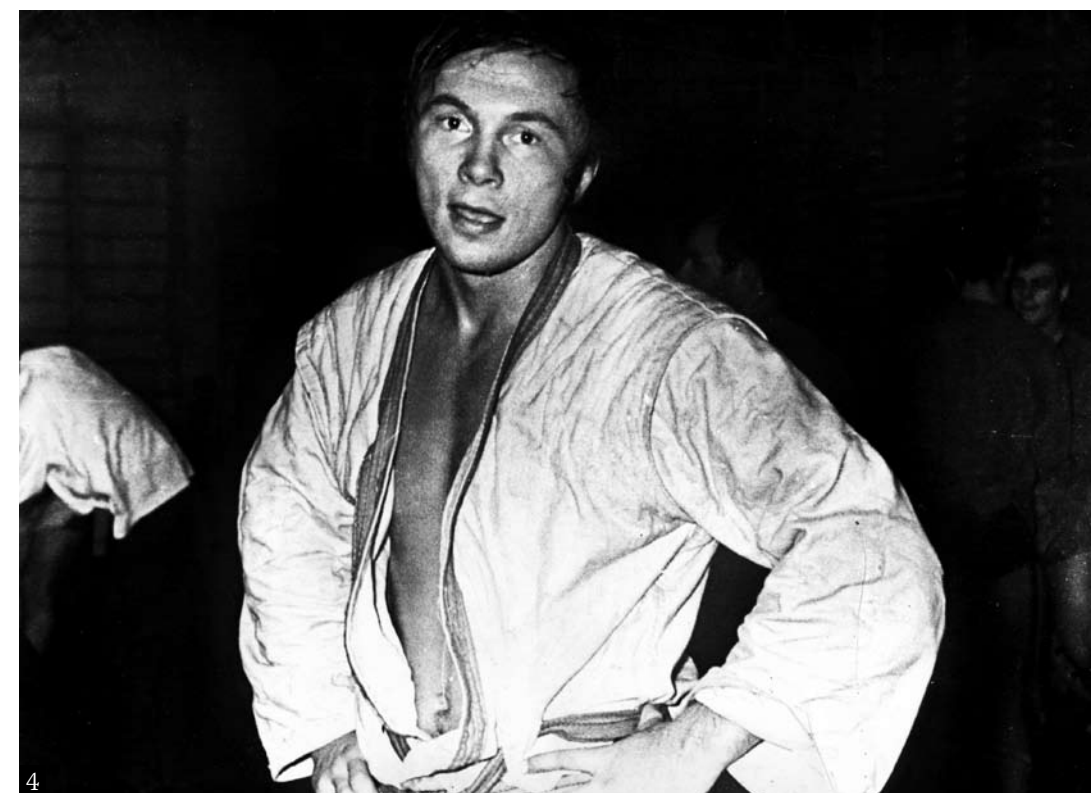
2

1. 1957 год. ЛОСДСО «Труд». Анатолий Рахлин (второй слева), Иван Смирнов и Владимир Момот (пятый и шестой слева)
2. 1970 год. Пионерский лагерь «Юность». С Вячеславом Цоем

3

3. 1973 год. С братом Владимиром
4. 1970 год. Клуб «Турбостроитель»

4

Давыденко в 2004 году стал чемпионом России и СНГ по дзюдо среди мастеров в возрастной категории до 50 лет. Правда, проведя шесть или семь схваток, он месяца два приходил в себя, но это уже другая тема.

В Первом медицинском институте я проработал до 1977 года, а еще в 1973 году состоялось мое знакомство с каратэ.

Едва ли не впервые я увидел каратэ в нашумевшем в свое время фильме «Гений дзюдо». Правда, каратисты в нем выведены очень противными и коварными, но продемонстрированная в фильме техника вызвала интерес.

Занятия каратэ я начинал в группе, которую вел Новодережкин в одном из школьных спортивных залов. Первое впечатление было не самым радужным. Собрались какие-то люди, одетые кто во что горазд, не в самой лучшей физической форме. На улице было -30 С°, в зале холодно, тренировка проходила на грязном полу, а о душе, как во всех школьных залах, и речи не было. Смотреть на происходящее было довольно непривычно. Через месяц-полтора был первый экзамен на зеленый пояс, который принимали инструкторы во главе с Альфатом Макшевым. Из нашей группы экзамен сдали только трое. Кроме меня, зачет получили Боря Петров, который увлекался йогой, и еще один парень, фамилию его я забыл. Вскоре я перешел тренироваться к Альфату, а вместе с ним работал Рафаил Понизовский, знакомый мне еще по «Динамо».

Освоив основы каратэ, я много тренировался самостоятельно и к 1977 году набрал уже свою группу. Одно время у меня тренировался олимпийский чемпион по волейболу Александр Ермилов. Он часто выезжал на соревнования и привозил мне литературу по каратэ. В итоге подобралась такая библиотека, какой по тем временам, я думаю, не было ни у кого в городе. Первыми моими учебными пособиями по каратэ стали книги «DYNAMIC KARATE» М. Nakayama (Chief Instruktor Japan Karate Associaton) и «ADVANCED KARATE» Masutatsu Oyama. Надо сказать, что Ермилов – скорее исключение из правил. В каратэ тогда приходило мало спортсменов, а в основном – люди, далекие от спорта, уверенные, что каратэ – это смертельное оружие и, освоив несколько приемов, можно стать непобедимым, рушить стены и творить всякие чудеса.

По мере того, как я узнавал о каратэ все больше, интерес к нему только возрастал. Конечно, я осваивал каратэ не только и даже, может быть, не столько по книгам, сколько благодаря общению с более опытными спортсменами. У Альфата Макашева в то время уже тренировались Олег Риш, Николай Нефедов, Николай Карпов,

Сергей Селиверстов и другие, начинавшие на два-три года раньше меня. Мы бывали и в других секциях: у Александра Грункина, Владимира Илларионова.

Большинство из нас старалось не только освоить технику каратэ, но и понять внутреннее содержание, идеологию боевого искусства. Были и те, кто чрезмерно увлекался религиозными и философскими учениями Востока, становясь «японцами» более, чем сами японцы. И тогда, и сейчас я убежден, что нельзя механически переносить восточные традиции на российскую почву. Уклад нашей жизни, национальный менталитет существенно отличаются от восточных. Слепо копировать их – дело, по меньшей мере, не самое перспективное.

В клубе у Альфата Макашева мы познакомились и подружились с Олегом Ришем, очень талантливым спортсменом с исключительно сильной техникой работы ногами. Он уже был чемпионом Узбекистана по барьерному бегу, мастером спорта по легкой атлетике. Олег тогда учился в аспирантуре ЛГУ и писал кандидатскую диссертацию. Чуть позже я познакомился и с его младшим братом Арнольдом. Со временем Арнольд Риш стал, на мой взгляд, сильнейшим из ленинградских каратистов, возможно – лучшим в СССР. Много общались мы и вне тренировок.

К тому времени уже сложилась целая сеть подпольных секций, соблюдалась определенная конспирация, что, впрочем, не мешало им общаться между собой. Если мне не изменяет память, уже начиная с 1975 года проводились закрытые и, разумеется, неофициальные чемпионаты города.

В 1977 году я перешел из Первого медицинского института на должность председателя спорткомитета Исполкома Петроградского районного совета народных депутатов. Появились возможности по аренде залов в общеобразовательных школах, но вместе с тем увеличился и риск того, что о моих дополнительных заработках узнает руководство. Для меня это означало бы скандал и немедленное увольнение. Но подробнее к теме каратэ мы вернемся чуть позже.